

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

А. В. Новиков

Конституционный суд Российской Федерации

Поступила в редакцию 20 сентября 2012 г.

Аннотация: *статья посвящена проблемам обеспечения защиты чести и достоинства личности законодательством об административных правонарушениях. Обосновывается предложение о том, что в случае смерти лица, привлекаемого к административной ответственности, его честь и достоинство должны защищаться близкими родственниками, выступающими в качестве законных представителей умершего.*

Ключевые слова: *производство по делам об административных правонарушениях, защита чести и достоинства.*

Abstract: *this article is dedicated to some problems of ensuring honor and dignity protection of the personality by the legislation on administrative offenses. The offer locates in work that in case of death of the person involved in administrative responsibility, his honor and advantage should be protected by the close relatives who are representing itself as lawful representatives of the died.*

Key words: *production on cases of administrative offenses, honor and dignity protection.*

Достоинство личности является самостоятельной конституционно-правовой ценностью. Конституционный суд Российской Федерации многократно отмечал, что Конституция Российской Федерации исходит из того, что признание достоинства личности – основа всех его прав и свобод, необходимое условие их существования и соблюдения; достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (ч. 1 ст. 21); каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23). Названные права в силу ст. 2, 17 (ч. 1) и 56 (ч. 3) Конституции Российской Федерации являются высшей ценностью, не подлежат ограничению, признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (постановления Конституционного суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П, от 15 января 1999 г. № 1-П, от 20 декабря 2010 г. № 21-П, от 19 июля 2011 г. № 18-П, от 7 февраля 2012 г. № 1-П; определения от 17 февраля 2005 г. № 17-О, от 5 марта 2009 г. № 376-О-П).

249

Конституционно-правовые гарантии защиты достоинства личности и доброго имени человека предполагают создание развитого специального механизма охраны данных ценностей. Очевидно, что наибольшая потребность в таком механизме возникает именно в сфере публичного пра-

ва, и прежде всего в той его части, которая регулирует применение мер государственного принуждения. Это обусловлено тем, что применение мер государственного принуждения сопряжено с возможностью чрезмерного ограничения прав граждан, т.е. их нарушением, что само по себе, по сути, является умалением достоинства личности.

Правоприменительная практика свидетельствует о серьезных проблемах в сфере реального обеспечения достоинства личности. Так, в 2011 г. предметом проверки конституционного правосудия явились отдельные положения уголовно-процессуального законодательства, допускавшие возможность прекращения уголовного дела (в том числе в судебном заседании) в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого применительно к случаям, когда с прекращением уголовного дела не согласны близкие родственники умершего. В Постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П Конституционный суд Российской Федерации признал не соответствующими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положения п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК Российской Федерации, закрепляющие в качестве основания прекращения уголовного дела смерть подозреваемого (обвиняемого), за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего, в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников.

Принимая данное решение, Конституционный суд Российской Федерации исходил из того, что лицо, в отношении которого уголовное дело прекращается по данному основанию, в силу естественных причин лишено возможности защитить от умаления такие личные блага, как честь и доброе имя, путем выражения несогласия с прекращением уголовного преследования и требования продолжить производство по уголовному делу в обычном порядке. Суд также учитывал то обстоятельство, что уголовно-процессуальный закон не предусматривает необходимости получения согласия родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) или каких-либо других заинтересованных лиц на прекращение уголовного преследования в отношении умершего лица по данному основанию. В то же время близкие родственники умершего обладают законным интересом, оправдывающим дальнейшее рассмотрение уголовного дела, который, во всяком случае, может заключаться в желании защитить как честь и достоинство умершего и добрую память о нем, так и собственные честь и достоинство, страдающие ввиду сохранения известной неопределенности в правовом статусе умершего в случае прекращения в отношении него уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Кроме того, законный интерес этих лиц в случае реабилитации умершего подозреваемого (обвиняемого) может иметь и имущественный характер, связанный с возможностью возмещения понесенных им расходов, включая процессуальные издержки, суммы, затраченные на получение юридической помощи, расходы на лечение, а также убытков в виде упущенной выгоды (неполученные заработная плата и другие денежные средства, законной

возможности получить которые реабилитированный лишился в результате действий дознавателя, следователя, прокурора и суда).

Уголовно-процессуальное законодательство, развивающееся не десятилетия, а столетия, во многом опережает уровень развития административно-процессуального законодательства, которое является сравнительно молодым и не таким развитым. Хотя аналогичная проблема в области законодательства об административных правонарушениях еще не высвечивалась на уровне конституционного правосудия, тем не менее, есть основания полагать, что в части охраны достоинства личности административно-процессуальное право не безупречно. В частности, рассматривая законодательство об административных правонарушениях через призму вышеприведенной проблемы, следует признать, что данные отношения в КоАП Российской Федерации не урегулированы.

Данный правовой пробел, по всей видимости, обусловлен тем, что, как правило, административным деликтам не придается настолько серьезное значение, чтобы привлечение к административной ответственности рассматривать как посягательство на доброе имя человека и его достоинство лично. Хотя следует заметить, что ситуация в этой части меняется. Кроме того, вероятным сдерживающим фактором актуализации данной проблемы служит положение п. 3 ст. 31.7 КоАП Российской Федерации, предусматривающее в качестве основания для прекращения исполнения постановления о назначении административного наказания смерть лица, привлеченного к административной ответственности, или объявления его умершим. Близкие родственники умершего лица могут быть не осведомлены о факте привлечения данного лица к административной ответственности как вследствие того, что им не вручается и не направляется копия постановления (решения) по делу (ч. 2 ст. 29.11 и ч. 2 ст. 30.8 КоАП РФ), так и по причине особенностей порядка исполнения отдельных видов наказаний (к примеру, лишения специального права).

Исходя из сказанного, может показаться, что проблема надуманна и «высосана» автором из пальца. Однако это не так. Правоприменительная практика уже столкнулась с подобного рода случаями, но их количество невелико. К тому же до настоящего времени с ними не сталкивался и Конституционный суд Российской Федерации, в результате чего проблема могла бы стать известной широкой научной общественности.

Возвращаясь непосредственно к предмету данного исследования, обратим внимание на то, что анализ правового регулирования охраны достоинства личности при привлечении лица к административной ответственности, прежде всего, приводит к необходимости непосредственной оценки действующего законодательства, в целях четкой постановки самой проблемы и формулирования конкретных предложений, направленных на ее разрешение.

Итак, смерть физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, является одним из обстоятельств, при наличии которого производство по делу об адми-

нистративном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению (п. 8 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ).

При этом данное обстоятельство является основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении на любой его стадии, в том числе на стадии исполнения постановления по делу об административном правонарушении (п. 1 ч. 1.1 ст. 29.9, п. 3 ч. 1 ст. 30.7, п. 4 ч. 2 ст. 30.17, п. 3 ст. 31.17 КоАП РФ). Между тем действующее правовое регулирование не предусматривает возможности установления судами, рассматривающими дело об административном правонарушении, а также судами, осуществляющими проверку законности и обоснованности вынесенных по делу постановлений и решений, указанного обстоятельства.

В силу ч. 1 ст. 30.1 и ч. 1 ст. 30.12 КоАП Российской Федерации участниками производства по делам об административных правонарушениях, наделенными правом обжаловать постановление (решение) по делу об административном правонарушении, в том числе в порядке надзора, являются: лицо, в отношении которого ведется производство по делу (ст. 25.1), потерпевший (ст. 25.2), законные представители физического лица (ст. 25.3), законные представители юридического лица (ст. 25.4), а также защитник и представитель (ст. 25.5). Кроме того, прокурор вправе приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле (п. 3 ч. 1 ст. 25.11). При этом законные представители осуществляют защиту прав и законных интересов физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в случае, когда данное лицо является несовершеннолетним либо по своему физическому или психическому состоянию лишено возможности самостоятельно реализовать свои права (ч. 1 ст. 25.3 КоАП РФ).

Таким образом, КоАП Российской Федерации не содержит процедур, допускающих возможность участия в судебном заседании близких родственников умершего лица, привлекаемого к административной ответственности; они также лишены права обжалования постановления по делу об административном правонарушении, вынесенного в отношении умершего физического лица.

Но должны ли иметь родственники умершего лица, привлеченного (привлекаемого) к административной ответственности, право на участие в рассмотрении дела, обжалования вынесенных по делу постановлений (решений)? Нарушает ли отсутствие соответствующих процедур чьи-либо права, и какие именно?

Всестороннее изучение вопроса позволяет остановиться на нескольких аспектах проблемы.

1. Любое публичное преследование лица, связанное с подозрением его в совершении общественно опасного противоправного деяния, ведет к ограничению права на охрану достоинства личности, которое является допустимым только в том случае, когда осуществляется в законодательно установленных процедурах, является обоснованным, т.е. необходи-

мым и достаточным для достижения целей уголовного законодательства (ст. 2 УК РФ) и законодательства об административных правонарушениях (ст. 1.2 КоАП РФ).

Конституционное право на охрану достоинства личности не только распространяется на период жизни человека, но и обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения (Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П). Такие гарантии, по сути, предполагают наличие у заинтересованных лиц – родственников умершего лица – права обратиться в компетентные органы с требованием проверки законности и обоснованности публичного преследования с целью восстановления чести и доброго имени данного лица.

Данная правовая позиция, сформулированная применительно к сфере уголовно-процессуального законодательства, имеет общеправовое значение и не может быть ограничена только уголовно-правовой сферой, поскольку охрана достоинства личности и права на защиту чести и доброго имени не может иметь различное конституционно-правовое содержание в по существу тождественных отношениях.

Именно такого подхода традиционно придерживается Конституционный суд Российской Федерации, неоднократно указывавший, что в целях реализации конституционных прав граждан необходимо учитывать не только формальный процессуальный статус участника производства по делу, но и наличие существенных признаков, характеризующих фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное преследование (постановления от 27 июня 2000 г. № 11-П, от 28 июня 2007 г. № 8-П, от 20 ноября 2007 г. № 13-П, от 16 июня 2009 г. № 9-П и от 14 июля 2011 г. № 16-П).

Таким образом, правовое регулирование порядка привлечения к уголовной или административной ответственности должно предусматривать процессуально-правовые гарантии восстановления достоинства личности, чести и доброго имени умершего лица, попранные в результате его незаконного публичного преследования. При этом процессуальная экономия и оперативность, присущие порядку привлечения к административной ответственности (Постановление Конституционного суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П), не могут служить препятствием для установления таких гарантий законодательством об административных правонарушениях.

Следовательно, отсутствие в КоАП Российской Федерации процедуры, обеспечивающей возможность восстановления достоинства, чести и доброго имени умершего лица, привлеченного к ответственности, на наш взгляд, не в полной мере удовлетворяет требованиям ст. 21 (ч. 1) и 23 (ч. 1) Конституции Российской Федерации.

2. Возлагая на государство обязанность охранять достоинство личности, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод и возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц (ч. 1 и 2 ст. 46).

В Постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П Конституционный суд Российской Федерации указал следующее. Поскольку конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, оно обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения, что в свою очередь предполагает обязанность компетентных органов исходить из необходимости обеспечения близким родственникам умершего доступа к правосудию и судебной защиты в полном объеме, как это вытекает из ст. 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Между тем, как указывалось выше, КоАП Российской Федерации допускает возможность полноценного участия в производстве по делу об административном правонарушении близких родственников лица, привлекаемого к ответственности, только в тех случаях, когда они являются его законными представителями, т.е. возможность участия в производстве по делу близких родственников ограничена случаями, когда привлекаемое к ответственности лицо по своему физическому или психическому состоянию лишено возможности самостоятельно реализовать свои права (ч. 1 ст. 25.3 КоАП РФ).

КоАП Российской Федерации не предусматривает возможности судебной защиты достоинства, чести и доброго имени умершего лица, незаконно привлеченного к административной ответственности. Близкие родственники этого лица не имеют права ни обжаловать постановление по делу об административном правонарушении, ни продолжать судебную защиту, начатую умершим лицом при жизни.

Помимо сказанного, установление процедур административного, как и иного судопроизводства, предполагает обязанность государства гарантировать защиту прав не только участников конкретного производства, но и всех лиц, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при судебном рассмотрении дела, в том числе путем обеспечения данным лицам надлежащей возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов на всех стадиях судопроизводства любыми, не запрещенными законом способами.

Несмотря на то, что административная ответственность носит личный характер, постановление о назначении административного наказания может затронуть не только личные неимущественные права иных лиц, прежде всего близких родственников, но и их имущественные права. В частности, в случае конфискации орудия совершения правонарушения, которое выступает объектом совместной собственности. Назначение наказания в виде конфискации орудия правонарушения затрагивает интересы наследников.

КоАП Российской Федерации не предусматривает возможности судебной защиты имущественных интересов близких родственников умершего лица, которое привлекалось к административной ответственности.

Таким образом, близкие родственники умершего лица, привлеченного к административной ответственности, чьи права и законные интересы

затрагиваются процессуальными решениями, не допускаются к участию в деле об административном правонарушении. Такое правовое регулирование едва ли можно признать согласующимся с гарантированной Конституцией Российской Федерации судебной защитой прав и свобод человека.

3. Реализация конституционного права на судебную защиту осуществляется посредством в том числе и административного судопроизводства, основанного на принципах состязательности и равноправия сторон (ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 118 и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ).

Конституционный суд Российской Федерации, обращаясь к анализу содержания принципа состязательности равноправия сторон судебного разбирательства, неоднократно указывал, в том числе применительно к сфере производства по делам об административных правонарушениях, что данный принцип предполагает такое построение судопроизводства, при котором функция суда по разрешению дела отделена от функций спорящих перед судом сторон: осуществляя правосудие как свою исключительную функцию (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ), суд должен обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных функций (постановления Конституционного суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П, от 14 января 2000 г. № 1-П, от 14 февраля 2002 г. № 4-П, от 5 февраля 2007 г. № 2-П; определения от 12 мая 2005 г. № 145-О, от 6 июля 2010 г. № 1086-О-О).

Между тем в случае смерти лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, судебное разбирательство дела будет проходить без участия стороны защиты: данное лицо в силу естественных причин лишено возможности лично защищать себя, равно как и обеспечить возможность представительства своих интересов. Близкие родственники такого лица, как указывалось выше, не являются участниками производства по делу об административном правонарушении и лишены возможности защищать конституционные права как самого умершего, так и свои собственные.

В то же время прокурор, имеющий право участвовать при рассмотрении любого дела об административном правонарушении (п. 2 ч. 1 ст. 25.11 КоАП РФ), а также должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении (вынесшее постановление при оспаривании в порядке надзора), могут сами инициировать проверку законности судебных актов, опротестовав или обжаловав их соответственно (п. 3 ч. 1 ст. 25.11, ч. 1.1 ст. 30.1 и ч. 4 ст. 30.12 КоАП РФ). При этом, учитывая положения ч. 2 ст. 25.1 КоАП Российской Федерации, допускающей рассмотрение дела об административном правонарушении в отсутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу, возможность защиты конституционных прав умершего к моменту судебного разбирательства лица, равно как и прав его близких родственников, фактически исключается.

Таким образом, законодательство об административных правонарушениях допускает возможность рассмотрения судом дела об административном правонарушении, равно как и проверку судом законности и обоснованности вынесенных по делу об административных правонарушениях постановлений и решений, без участия стороны защиты в случае смерти лица, привлекаемого (привлеченного) к административной ответственности. Такое регулирование, по нашему убеждению, входит в противоречие с конституционным принципом осуществления правосудия на основе равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ).

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью признать, что отсутствие возможности участия близких родственников умершего лица, в отношении которого велось (ведется) производство по делу об административном правонарушении, нарушает конституционные права и законные интересы данных лиц: право на защиту чести и достоинства умершего лица и законные интересы его близких родственников.

Однако позволяет ли действующее законодательство каким-либо образом защитить права и законные интересы вышеназванных лиц?

Единственным способом, который на первый взгляд можно рассматривать в качестве правового средства защиты в данном случае – это обращение близких родственников к прокурору с просьбой опротестовать незаконный, по их мнению, правоприменительный акт – постановление (решение) по делу об административном правонарушении, вынесенное в отношении умершего лица. В пользу данного способа защиты прав граждан свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, граждане вправе обратиться к прокурору с заявлением (жалобой), содержащим сведения о нарушении законов. В силу п. 1 ст. 10 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»¹ такие обращения разрешаются органами прокуратуры в соответствии с их полномочиями. Во-вторых, согласно п. 3 ч. 1 ст. 25.11 КоАП Российской Федерации прокурор вправе приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле.

Вместе с тем следует признать, что наличие у прокурора права опротестовать любое постановление по делу об административном правонарушении независимо от его участия в деле не может рассматриваться в качестве достаточной гарантии, обеспечивающей охрану достоинства личности, защиту чести и права на доброе имя, поскольку такая защита ставится в зависимость от усмотрения должностного лица, а не обусловлена только волей самого близкого родственника, т.е. не может рассматриваться как эффективное средство правовой защиты. Такой подход основан на позиции Европейского суда по правам человека, выраженной применительно к оценке надзорной стадии российского судебного процесса. Суд неоднократно отказывал в признании ее эффективным средс-

¹ О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации, 1995. № 47. Ст. 4472.

твом судебной защиты по смыслу п. 1 ст. 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе по причине того, что пересмотр дела в порядке надзора в Российской Федерации не может инициироваться частным лицом и относится к сфере дискреционного усмотрения определенных законом должностных лиц (Решение Европейского суда по делу «Тумилович против Российской Федерации» (Tumilovich v. Russia) от 22 июня 1999 г., Решение Европейского суда от 8 февраля 2001 г. по вопросу приемлемости жалобы «Галина Питкевич (Galina Pitkevich) против Российской Федерации», Частичное решение Европейского суда от 2 марта 2006 г. по вопросу приемлемости жалобы «Сергей Юрьевич Попов (Sergey Yuryevich Popov) и Вадим Геннадиевич Воробьев (Vadim Gennadyevich Vorobyev) против Российской Федерации» и др.). Оснований для отказа в распространении приведенной позиции на оценку полномочий прокурора применительно к рассматриваемой правовой проблеме не усматривается.

Кроме того, обращение близких родственников умершего лица, привлеченного к административной ответственности, к прокурору с требованием опротестовать незаконный, по их мнению, правоприменительный акт, нельзя рассматривать в качестве способа правовой защиты в силу действующего порядка и сроков опротестования постановления (решения) по делу об административном правонарушении.

Так, согласно ч. 1 ст. 30.10 КоАП Российской Федерации не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении и (или) последующие решения вышестоящих инстанций по жалобам на это постановление могут быть опротестованы прокурором в порядке и в сроки, установленные ст. 30.1, 30.2, ч. 1 и 3 ст. 30.3 данного Кодекса. Часть 1 ст. 30.3 Кодекса устанавливает десятидневный срок на обжалование (опротестование) постановления по делу об административном правонарушении, который исчисляется со дня вручения или получения копии постановления. Но, как известно, копия постановления по делу об административном правонарушении направляется должностному лицу, составившему протокол об административном правонарушении; вручается физическому лицу, или законному представителю физического лица, или законному представителю юридического лица, в отношении которых оно вынесено, а также потерпевшему по его просьбе либо высылается указанным лицам по почте (ч. 2 ст. 29.11 КоАП РФ). Таким образом, прокурору как участнику производства по делам об административных правонарушениях, управомоченному опротестовывать постановление по любому делу (ст. 25.11 КоАП РФ), само постановление не направляется. Следовательно, правовых гарантий, обеспечивающих реализацию прокурором полномочий по принесению протеста на не вступившее в законную силу постановление (ст. 30.10 КоАП РФ) законодательство об административных правонарушениях не содержит.

Срок на принесение протеста на вступившее в силу постановление (решение) по делу об административном правонарушении не установлен (ст. 30.12–30.19 КоАП РФ). Однако надо иметь в виду, что протест, при-

несенный в порядке надзора, могут рассматривать только суды (ст. 30.13 КоАП РФ), и, соответственно, опротестован в порядке надзора может быть только судебный акт. Следовательно, постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное должностным лицом или органом, вступившее в силу и не обжалованное в суд, во всяком случае, не может быть и опротестовано прокурором.

Таким образом, действующее законодательство об административных правонарушениях не обеспечивает защиту чести и достоинства умершего лица и законных интересов его близких родственников в случае его незаконного, по мнению данных лиц, привлечения к ответственности.

Каким же образом разрешить указанную проблему?

Для этого отношения, связанные с охраной достоинства личности, рассмотрим комплексно. Достоинство личности наряду с честью и добрым именем – личные неимущественные права человека, принадлежащие ему от рождения. «Личный» характер данных прав, как известно, обусловлен их неотчуждаемостью и невозможностью их передачи каким-либо способом другому лицу. Однако в случаях и в порядке, предусмотренных законом, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя (п. 1 ст. 150 ГК РФ).

Каким же образом осуществляется защита вышеперечисленных личных прав граждан в порядке гражданского судопроизводства?

В соответствии с абз. 2 ст. 215 и абз. 7 ст. 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации смерть гражданина является, с одной стороны, основанием приостановления производства по делу в случае, если спорное правоотношение допускает правопреемство, с другой – основанием прекращения производства по делу, если спорное правоотношение не допускает правопреемство. В основе такого подхода лежит нормативно закрепленное суждение о том, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью (п. 2 ст. 17 ГК РФ). При этом к другим лицам переходят только имущественные права умершего. Личные права принадлежат в равной мере всем физическим лицам; о возможности их перехода к другим лицам по объективным причинам говорить не приходится. Но означает ли данное обстоятельство то, что в момент смерти лицо лишается своего правового статуса, т.е. все его права и обязанности прекращаются?

Исследуя смерть как гражданский процессуальный юридический факт, А. А. Демичев и О. В. Исаенкова пришли к следующему выводу. С момента наступления смерти существование субъекта права как объекта материального мира становится фикцией. Однако при сохранении таких понятий, имеющих юридическое значение, как «права умершего», «обязанности умершего» и т.п., это ведет к возникновению весьма любопытной ситуации, фактически нонсенса. Она заключается в том, что субъекта как такового нет, а права и обязанности у него есть, в частности право

автора, право на имя, защиту репутации². Соглашаясь с приведенными утверждением и доводами, подчеркнем, что следует различать смерть физического лица и прекращение его прав вследствие этого. Признание законодателем за умершим лицом некоторых прав позволяет утверждать, что физическая смерть не приводит к полной «правовой смерти» этого лица. Подобное утверждение может в целом показаться неприемлемым и даже несколько одиозным. Но тем не менее это правовая действительность. Кстати, признание прав за нерожденными детьми, по сути, представляется аналогичным правовым феноменом.

Прекращение производства по делу допускается лишь в случаях, исключающих возможность его рассмотрения по существу³. Да и в чем смысл рассмотрения по существу дела о том, были нарушены право на свободное передвижение или выбор места пребывания (проживания) умершего? Дальнейшее рассмотрение подобных дел не имеет смысла. Поэтому их прекращение обоснованно.

Однако достаточным ли основанием для прекращения производства по делу является невозможность правопреемства в спорном правоотношении? На наш взгляд, нет, поскольку законодатель допускает защиту прав умершего лица другими лицами. Соответственно, в таком случае прекращение дела является неоправданным, несмотря на то, что правопреемство исключено.

Примечательно, что в силу абз. 3 ст. 215 ГПК Российской Федерации признание стороны недееспособной или отсутствия законного представителя у лица, признанного недееспособным, влечет приостановление производства по делу. Таким образом, сама по себе неспособность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их не является обстоятельством, исключающим возможность рассмотрения дела по существу. В то же время признание за умершим человеком прав, осуществление и защита которых возлагается на заинтересованных лиц, является обстоятельством, исключающим возможность прекращения производства по делу: ведь сама возможность рассмотрения дела по существу сохраняется.

На наш взгляд, трудно усмотреть разницу процессуального положения лица, утратившего дееспособность, т.е. лица по объективным обстоятельствам неспособным осуществлять свои процессуальные права, и умершего лица, чьи права сохраняются, и, кроме того, законодатель предусматривает возможность их защиты другими лицами. Встает риторический вопрос: в чем смысл прекращения дела при возможности возбуждения, по сути, аналогичного?

² См.: Демичев А. А., Исаенкова О. В. Смерть как гражданский процессуальный юридический факт. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Президиума Челябинского областного суда от 5 декабря 2001 г.; информация о деле (по материалам определения Военной коллегии Верховного суда РФ от 17 февраля 1998 г. № 6н-150/95) // Там же.

Небезынтересным представляется анализ и самой нормы, содержащейся в абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК Российской Федерации, согласно которой по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти. О какой заинтересованности идет речь в ст. 152 ГК Российской Федерации?

По общему признанию, она состоит в том, что лицо, наделяемое правом обратиться с требованием защиты неимущественных прав умершего, обладает неким самостоятельным интересом, в защиту которого, собственно, и обращается. Так, многие пишут: указанное правило означает, что, защищая неимущественные права, принадлежащие человеку при его жизни, третьи лица действуют либо в интересах памяти (защита права на неприкосновенность произведения, защита авторского права, исключительность авторского права и т.п.), либо в собственных интересах (например, защищая честь и достоинство умершего отца, сын действует в своем интересе)⁴. Г. Д. Лихачев обращает внимание на то, что особенность защиты чести, достоинства и деловой репутации состоит в том, что третьи лица, в том числе и наследники, могут осуществлять такую защиту умершего лишь в случае, если они действуют в своем интересе⁵. На таком подходе основана правоприменительная практика. Обобщая практику рассмотрения и разрешения судами Свердловской области дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц, Н. А. Панкратова отмечает, что заявители должны быть заинтересованы в том смысле, что распространение не соответствующих действительности, порочащих честь и достоинство умершего лица сведений порочит в известной степени и находившихся с ним в близких отношениях самих заявителей⁶.

Данная позиция проистекает из положений пункта 4 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 18 августа 1992 г. № 11 (в ред. от 21 декабря 1993 г.) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан и организаций», в соответствии с которым заинтересованные лица имеют право на судебную защиту своих чести и достоинства согласно ст. 3 ГПК РСФСР и в случае, когда порочащие сведения распространены в отношении членов их семей, других родственников, в том числе умерших. Со

⁴ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. М. : Юридическая фирма Контракт : Инфра-М, 1998 ; *Завидов Б. Д.* Гражданско-правовая ответственность, вытекающая из обязательств : науч.-практ. и аналит. справочник. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; и др.

⁵ См.: *Лихачев Г. Д.* Гражданское право : Общая часть : курс лекций. М. : Юстицинформ, 2005. URL: http://for-expert.ru/book_gp/52.shtml

⁶ Справка по результатам обобщения практики рассмотрения и разрешения судами Свердловской области дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : подготовлена судьей Свердловского областного суда Панкратовой Н. А. 25 сентября 2006 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

временем, однако, данная редакция утратила силу и впоследствии Верховный суд Российской Федерации не воспроизвел данную формулировку, сохранив имеющуюся, на наш взгляд, неопределенность в понимании «заинтересованности» других лиц. Надо признать, что приведенное разъяснение не раскрывало содержание «заинтересованности». То понимание, которое было предложено, не объясняет причины появления нормы абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК Российской Федерации. Зачем в данном случае делать акцент на «заинтересованности», если по общему правилу заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов, в том числе с требованием о присуждении ему компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок (ч. 1 ст. 3 ГПК РФ)⁷. Это означает, что лицо, во всяком случае, имеет право на судебную защиту тех прав и интересов, которые, по его мнению, нарушены, невзирая на то, каким именно образом было совершено само посягательство, и связано ли оно или нет с попранием достоинства умершего родственника.

Исходя из этого, можно предположить, что в абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК Российской Федерации не идет речь о самостоятельном интересе третьих лиц, затронутым посягательством на честь и достоинство умершего.

В подтверждение такого предположения обратим внимание на то, что указанное законоположение следует рассматривать в системном единстве с положением п. 1 ст. 150 ГК Российской Федерации, прямо предусматривающим возможность осуществления и защиты личных неимущественных прав и других нематериальных благ, принадлежавших умершему, другими лицами.

Представляется странным в современном и критикуемом в данной работе подходе то обстоятельство, что само право на защиту интереса лица, попорченного путем умаления чести и достоинства умершего, возникает после смерти данного лица. При этом при жизни лица, чьи указанные личные неимущественные права были нарушены, права на их защиту принадлежат самому этому лицу.

В связи с этим любопытны последствия ситуации, когда обнаружено место пребывания гражданина, объявленного умершим, родственники которого обращались в суд с иском о защите чести и достоинства данного лица. Может ли в данном случае явившийся гражданин обратиться с самостоятельным иском о защите его личных неимущественных прав? В настоящее время, учитывая господствующий подход в понимании коррелирующих ст. 150 и 152 ГК Российской Федерации, следует ответить утвердительно. При этом получается, что данные нормы носят декларативный характер и их реализация не имеет правовых гарантий.

Каким же образом обеспечивается защита прав одних лиц другими лицами? Посредством института представительства. Очевидно, что умер-

⁷ По сути аналогичная норма содержалась в ст. 3 ГПК РСФСР.

шее лицо не может выбрать представителя. В случаях, когда лицо по объективным причинам лишено возможности назначить представителя, проблема защиты прав таких лиц решается с помощью субинститута законного представительства, которое осуществляется в силу прямого указания закона. Считаем, что именно это предполагают нормы ст. 150 и 152 ГК Российской Федерации.

Между тем гражданское процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство не позволяет защищать права умерших лиц иными лицами (ст. 52 ГПК РФ, ст. 43 и 59 АПК РФ). На наш взгляд, это дефект законодательства. Данная проблема носит искусственный характер. Однако трудность ее разрешения состоит в том, кого же определить в качестве законного представителя умершего. Ведь по общему правилу исковая давность не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ (ст. 208 ГК РФ). Близких родственников у умершего лица также может не оказаться. Но вместе с тем у этого лица могли сложиться личные близкие отношения с другими лицами, не являющимися его родственниками, а также сама личность умершего в силу различных обстоятельств (творческих достижений, прижизненной деятельности и т.п.) может иметь определенное значение даже для лиц, с которыми умерший не был и не мог быть знаком. Причем такое отношение, что такое лицо не может относиться к памяти умершего, безразлично. И осуществлять защиту его чести и достоинства оно может благодаря наличию заинтересованности в этом.

Учитывая изложенное, вернемся к ранее поставленному вопросу о том, как разрешить существующую проблему участия в производстве по делам об административных правонарушениях близких родственников умершего лица, привлекаемого (привлеченного) к административной ответственности. Участие обусловлено тем обстоятельством, что правовая защита невозможна иным способом, за исключением тех средств правовой защиты, которые содержатся в законодательстве об административных правонарушениях. В ином порядке защитить честь и достоинство, а также доброе имя не представляется возможным, поскольку оценка законности и обоснованности судебных актов возможна только в том процессе, в рамках которого они вынесены.

Представляется возможным рассматривать близких родственников умершего лица, в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении, в качестве законных представителей физического лица (ст. 25.3 КоАП РФ).

Позволяет ли действующее законодательство принять такое решение? Насколько оно с ним согласуется?

1. Законные представители физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и потерпевшего имеют права и несут обязанности, предусмотренные КоАП Российской Федерации в отношении представляемых ими лиц (ч. 4 ст. 25.3 КоАП РФ).

2. Принцип законного представительства состоит в том, что оно возможно тогда, когда представляемый по своему физическому или психическому состоянию лишен возможности самостоятельно реализовать свои права (ч. 1 ст. 25.3 КоАП РФ). Умершее лицо объективно лишено физической возможности самостоятельно реализовывать свои права и защищать законные интересы.

Какое возможно иное решение данной проблемы? В каком качестве могут выступать близкие родственники умершего лица? Представляется, что в каком-либо ином статусе участника производства по делам об административном правонарушении (ст. 25.1, 25.2, 25.4–25.11 КоАП РФ), за исключением законного представителя физического лица (ст. 25.3 КоАП РФ) они выступать не могут. Предложение самостоятельного статуса участника производства по делу об административном правонарушении для этих лиц, учитывая незначительное количество дел, осложненных таким обстоятельством, как смерть лица, в отношении которого ведется производство по делу, представляется несуразным и нереализуемым.

Кроме того, признание близких родственников умершего лица, привлекаемого к административной ответственности, в качестве его законных представителей позволяет снять проблему получения должностным лицом, органом, судом, рассматривающими дело, информации о самой смерти этого лица и, соответственно, о ее надлежащей процессуальной фиксации в материалах дела.

Полагаем возможным упредить актуализацию данной проблемы и заблаговременно принять меры по ее нейтрализации.

Конституционный суд Российской Федерации

Новиков А. В., кандидат юридических наук

E-mail: A_V_Novikov@mail.ru

Тел.: (812) 404-34-96

Constitutional Court of the Russian Federation

Novikov A. V., Candidate of Legal Sciences

E-mail: A_V_Novikov@mail.ru

Tel.: (812) 404-34-96